

ЯНА ТЕМИЗ

A portrait of a man with dark hair and a slight stubble, wearing a dark jacket over a light-colored shirt. He is looking directly at the camera with a serious expression. His right hand is raised, with his index finger pointing towards his chest. The background is dark and out of focus.

ХОРЕОГРАФ

ВАСИЛИЙ МЕДВЕДЕВ – НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Яна Темиз

**Хореограф. Роман-балет
в четырёх действиях**

«Товарищество научных изданий КМК»

2019

Темиз Я.

Хореограф. Роман-балет в четырёх действиях / Я. Темиз —
«Товарищество научных изданий КМК», 2019

ISBN 978-5-907099-75-3

«Хореограф» – романизированная биография российского хореографа Василия Медведева. Герой книги проходит сложный путь от мальчика, мечтающего поступить в Вагановское училище, до успешного и востребованного мастера, осуществившего множество постановок на сценах лучших театров мира и работающего со звёздами балета. Это увлекательная история взросления и становления артиста, чья юность пришлась на 70–80-е годы XX века, это рассказ о закулисе и о создании балетных спектаклей. «Такой книги о балете у нас ещё не было: это новое слово в жанре балетной биографии – оригинальная форма, живой слог, мастерская до виртуозности композиция. И герой, интереснейший и по своей работе, и по необычной судьбе...» Ольга Розанова, балетный критик. Книга адресована как любителям балета, так и широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-907099-75-3

© Темиз Я., 2019
© Товарищество научных изданий
КМК, 2019

Содержание

Действующие лица и исполнители	6
Пролог. Препарасьон	8
Картина первая. Из Дома во Дворец	8
Действие первое. Экзерсис	29
Картина вторая. Святая святых	29
Картина третья. Два занавеса	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Яна Темиз
Хореограф. Роман-балет
в четырёх действиях

© Яна Темиз, 2019.

© KMK Scientific Press, 2019.

Действующие лица и исполнители

Ведущие солисты:

Хореограф – Василий Медведев (Россия)

Мама – Олимпиада Васильевна Медведева (Россия)

Ассистент хореографа – Станислав Фечо (Чехия)

Солисты:

Отец хореографа – Михаил Анатольевич Медведев (Россия)

Брат хореографа – Юрий (Георгий) Медведев (Россия)

Бабушка хореографа – Мария Михайловна Родионова (Россия)

Корифеи:

Друг хореографа – Любомир Кафка (Чехия)

Критик и либреттист – Валерий Модестов (Россия)

Автор либретто – Яна Темиз (Турция)

Кордебалет:

Педагоги Академии русского балета имени А.Я. Вагановой; балерины и танцовщики; художественные руководители и директора театров; композиторы, дирижёры, художники; костюмеры, осветители, бутафоры; критики, друзья, недруги, поклонники; образы и персонажи, города и страны...

* * *

“...some dance to remember, some dance to forget...”
Eagles, “Hotel California”¹

¹ «Кто-то танцует, чтобы вспоминать; кто-то танцует, чтобы забыть...» (англ.) – из песни группы «Eagles» «Отель Калифорния»

Пролог. Препарасьон

Картина первая. Из Дома во Дворец

Здание с колоннами, старинное, похожее на театр.

Родное, петроградское.

Дом культуры.

Наконец-то она снова здесь, как же ей не хватало всего этого: колонн, старинных зданий, Невского проспекта, театров, высоких домов, культуры! Серого неба, белых ночей, чёрных мостов, гранитных набережных, пронизывающего ветра... сколько жарких лет, сколько долгих зим!

Липа (отец называл её Липочка, редкое, несовременное имя, как будто из пьес Островского!) сжала руку сына – он подпрыгивал (как будто внутри мешающей ему тяжёлой шубки) и не замечал ничего вокруг: ни зданий, ни холода, ни сугробов. Знал, что сейчас его приведут туда, где можно танцевать, и он думал, что танцевал... он всё время танцевал – кажется, что с рождения.

Он не знал, что по-настоящему набор в танцевальную студию был в сентябре, но тогда их семья ещё не приехала в родной для Липы Ленинград.

Семьи военных – это всегда довольно странные сюжеты. Старший сын родился за границей – в Будапеште, а Вася, младший, поздний, её самый любимый сын, которого она назвала в честь своего отца, на юге – в Грозном. Так далеко, такое странное стечение обстоятельств: муж, военный врач, должен был... мы все что-то должны, всегда.

Сама она мечтала стать певицей – настоящей, оперной, и голос был, все уверяли, что чудесный голос, сопрано, но началась война, потом страшная блокада, и нужно было делать только то, что должно, выживать, а не петь. А после войны – столько всего, закрутилось-закружилось: учёба, любовь, замужество, дети... всё, как у всех. Кроме детей: её мальчики не как у всех, они совершенно особенные, оба такие талантливые!

«Оля, – когда дети не слышали, муж называл её так, хотя ей это не очень нравилось. – Ты испортишь их своими похвалами и восторгам! Вырастишь избалованных и самовлюблённых хвастунов! Никакие они не гении, мальчишки как мальчишки!».

В глубине души Михаил тоже гордился сыновьями, особенно старшим, обожал их, но считал, что растить настоящих мужчин нужно правильно, без излишних сантиментов, что мальчики с детства должны...

А сейчас я должна отдать своего мальчика в танцы.

Она крепко держала Васину ручку: ещё жив был тот страх, когда она его чуть не потеряла. Выглянула во двор в этом чужом, непривычном кавказском городке, почти деревне – и не увидела своего малыша. Господи, только не это, она как-то вдруг и сразу поняла, что её мальчика здесь нет, что надо что-то делать, куда-то бежать... муж был на службе... Юра, Юрочка, почти задохнулась она.

Старший, большой – конечно, не взрослый, всего-то тринадцать, но по сравнению с крошечным Васенькой... десять лет разницы! – мамин помощник, понял с полуслова, побежал на улицу, и повезло, что увидел! Странная женщина в чём-то длинном и чёрном (кто она была? цыганка? городская сумасшедшая?) вела его братика за руку – и они уже вышли на известную всем местным «трубу», которая была как мост над небольшой быстрой речкой, а за ней начинались страшные для городских лес и горы. Детям не разрешали по ней ходить, но Юра, конечно, втайне от родителей ходил – все ребята ходили, что он хуже, что ли... но трёхлетний брат... куда она его ведёт?! Только бы не упали! Юра бросился, побежал по трубе: хорошо, что

не в первый раз! нечего слушать глупые запреты взрослых! что они понимают, как бы я смог сейчас, если бы боялся чёртовой «трубы»?! Вася, Васька! Он буквально выхватил ручку брата – женщина отступила, не сопротивлялась, спокойно ушла по трубе.

Олимпиада Васильевна Медведева (Родионова)

Михаил Анатольевич Медведев

Вася

Больше они никогда её не видели.

– Васенька, как ты мог?! – ругалась и плакала Мама. – Ты же знаешь, что такое «нельзя»! Нельзя уходить с нашего двора, нельзя, как же ты?..

Он не знал, что ответить.

...Потом, через много лет (Мама часто вспоминала тот случай, не могла забыть), в своей следующей, взрослой жизни, ему удалось вспомнить взгляд странной женщины: что это было – гипноз? Он же точно знал, что уходить нельзя, он всегда играл в их маленьком дворе, а тогда почувствовал что-то необъяснимое. И все романтические и драматические похищения – из любого сериала! – он представлял себе очень живо: он-то знал, как они делаются, как счёт идёт на секунды, ведь эта расхожая коллизия чуть не изменила всю его жизнь.

С тех пор Липа очень боялась его потерять.

Не так, как все матери, а очень остро, почти болезненно: пережить такое... боже мой, вот он, со мной, мой вновь обретённый мальчик, счастье моё, мой поздний и последний ребёнок... только мой! Надо бы наказать его, отшлёпать, и побольнее – чтобы не потерять! Чтобы он боялся этого раньше неведомого ему наказания и больше никогда... вот бы вернуться в Ленинград, надо жить в Ленинграде, а не в этих постоянных скитаниях, до чего дожили, чуть сына не украли – Липа плакала, плакала, решила отшлёпать.

«Что это?!» – в штанишках сына, на попке, лежали толстые шерстяные носки, один выпал от её первого неловкого удара. Старший брат решил защитить младшего: его-то всегда наказывали, он знал, как это бывает... сейчас он чувствовал себя героем, спасителем и хотел спасти брата и от шлепков. Может быть, после того подвига он и решил называть себя Георгием?

Мама смеялась (до слёз?), обнимала обоих: какие же вы у меня чудесные мальчики, как я вас обоих люблю, какое счастье! Ещё бы в Ленинград перебраться, чтобы дети могли жить в настоящем Городе с большой буквы, получить хорошее образование, не переезжать с места на место, не гулять на пыльном жарком дворе, около такой опасной и непонятной «трубы»,

ведущей в лес... Липа и в Ленинграде всегда держала младшего за руку – даже если просто вела его в Дом культуры.

Вестибюль был пуст, они пришли раньше времени.

– Девушка, вы куда?

– Я... скажите, пожалуйста, где здесь кружок танцев?

Гардеробщица.

Липа понимала, что нужно улыбнуться, и заискивающе улыбнулась.

Ему казалось, что Мама шла, как королева.

Она была очень красивой, его Мама. Носила модные платья, бусы и туфельки – даже через много-много лет стиль шестидесятых останется для него особенным: привлекательным, лёгким, шикарным... летний, летящий стиль его раннего детства.

Сейчас на Маме было толстое зимнее пальто с меховым воротником, сам он тоже был укутан: в этом Мамином Ленинграде, о котором она столько рассказывала, зимой было темно и холодно, но скоро будут обещанные Мамой волшебные «белые ночи»... а сейчас с него снимут эту ужасную шубку, и он будет танцевать! Варежки он уже снял и бросил, они повисли на просунутой в рукава резинке (отличный фокус!), и он пытался выпутаться из шарфа и избавиться от шапочки.

– Танцы в зале, прямо по коридору и налево. Пальто сдайте. Вы новенькие, что ли?

– Да, – решительно ответила Липа, внутренне превратившись в уверенную в себе, смелую Олимпиаду.

Всё-таки ей повезло с именем: произнесёшь мысленно «О-лим-пия-да» – и сразу спина прямее и взгляд твёрже. И гордость появляется, и можно победить.

– Вас приняли? – не унималась общительная гардеробщица.

– Да, приняли! – сказала Олимпиада и взяла номерок. – Спасибо!

Впереди был длинный коридор, раздевалка... сколько же их потом будет – раздевалок, гримёрных, длинных коридоров... километры и годы.

Шубка, шарф и шапка, кофты, рейтузы и колготки сняты, надеты носочки и чешки: как он радовался, что Мама смогла купить настоящие чешки – из спортивного магазина! Чёрные, с белыми треугольными вставочками, чешки были прекрасны и совсем чуточку велики, это неважно.

Откуда-то донеслись звуки – не музыка, ещё нет, так брат иногда нажимает на несколько клавиш пианино, нажмёт и слушает... Васе стало интересно, и он побежал на эти звуки: наверное, там он и будет танцевать, как это весело! Огромный зал, огромное зеркало – какое чудо!

Кто-то около пианино в углу, память не сохранила того лица.

И какая-то тётя.

Мамины слова: «Пожалуйста... в порядке исключения... только сейчас вернулись в Ленинград... военный... недавно четыре года исполнилось!» – потом строгая тётя остановила его, уже танцующего перед этим фантастически огромным зеркалом.

– Хочешь научиться танцевать? – ему хотелось сказать: «Нет! Я хочу просто танцевать! Я умею!», но он не успел: тётя, казалось, не ждала ответа. – Дай ногу... вот так встань. Спину выпрями. Поднимай ножку... выше... ещё выше... носочек вытяни... руку сюда...

Она больно растягивала и странно выворачивала его ноги, заставляла наклоняться и приседать.

– Ну что ж... данные хорошие, мальчиков у нас мало... я его возьму.

– Ура! Приняли! – он подпрыгнул и радостно захлопал в ладоши: было неприятно и больно, но ему так хотелось, чтобы его «приняли»! Только сейчас он понял тревогу Мамы, её неуверенные «если примут» и «могут не принять», и вспомнил слово, сказанное ею гардеробщице.

– Какой живой, эмоциональный ребёнок! – засмеялась строгая тётя. – Это хорошо, люблю таких. В танце ведь главное – душа!

Потом ему некогда было думать ни о какой душе.

Оказалось, что он ничего не умеет, что в танце главное – идеально прямая спина, подъём, выворотность, постоянное повторение одних и тех же, уже снившихся ему движений с французскими названиями.

Он очень хотел стать как все – те, кто ходил в кружок с сентября.

Среди них были и ребята постарше, он был одним из самых маленьких и очень старлся. Не всегда понимал, что делать, как встать, в какой момент повернуться... было не очень понятно, как из этих странных упражнений у станка (он удивился новому слову, но тотчас принял его: было приятно выговаривать все-все новые, непонятные, балетные слова!) вырастет танец. Разве это – эти медленные приседания (плие), эти движения руками (пордебра), эти позиции (хорошо, что я умею считать!) – разве всё это танец? Вот прыжки и галоп – точно танец, и ему нравилось, когда можно было наконец-то отойти от станка и пробежаться под музыку по середине зала. Упражнения у станка были больше похожи на утреннюю зарядку – конечно, намного сложнее, но когда-то же должны начаться настоящие танцы?

Мама говорила, что настоящие танцы начинаются именно так, иначе нельзя.

Она повела его в театр – потом он узнал, что это была знаменитая «Мариинка» (это слово шёпотом, а вслух театр назывался «Кировский»), и это было первое в его жизни «Лебединое озеро». И тогда он поверил Маме: именно это – настоящий танец, и он вдруг сумел разглядеть красоту вытянутых подъёмов, округлых рук, прямых спин... да, этот танец складывается из уже знакомых ему батманов тандю и жете, из пордебра, из плие, и теперь ему было не скучно упорно повторять одно и то же, и он испытывал странное удовольствие от вошедшего в его жизнь ритуала.

И от стремления к совершенству каждого движения.

Стать как все, а потом – лучше всех.

И Мама – Королева, подарившая сыну арбалет... а его Мама подарила ему – балет.

Может быть, балет вошёл бы в его жизнь и без неё, или он сам как-нибудь всё равно вошёл бы в этот особенный мир, но нет, надо признать: фигура Мамы, вечно ожидавшей его в каких-то длинных, насквозь продуваемых, то полутёмных, то освещённых холодным светом, то гулко пустынных, то шумно многолюдных коридорах, провожавшей его на первые в жизни гастроли, ведущей его на очередной конкурс или просмотр, – эта фигура навсегда осталась в его памяти.

– Вы сами будете его водить?

Строгая «тётя» из Дома культуры, педагог Ираида Сурина, безошибочно чувствовала в этом мальчике солиста.

Характер такой. И данные есть: невысокий, зато длинноногий, красивый, но всё это есть у многих, а у этого ещё и страсть, яркость, сила, и желание выделиться, суметь, победить. Перспективный мальчик, привычно думала она, и боль перетерпел, хотя совсем маленький... интересно, что из него получится? Может, бросит танцы через год и с той же страстью захочет быть космонавтом. Или ещё кем-нибудь: кругом такие увлекательные вещи, энтузиазм... в буднях великих строек – вся страна поёт и куда-то стремится. Отвлечётся – или некому будет водить... было бы жаль, и она с привычной пронизательностью вглядывалась в мать.

Вася. Фото Юрия (Георгия) Медведева

Для малышей всё зависит от старших – сколько таких перспективных мальчиков было потеряно: родители работают, бабушки охотно водят в танцевальный кружок девочек, а мальчишек обычно надо уговаривать, бабушки же не очень стараются. У них свои приоритеты: всех накормить, обойти ближайшие магазины, узнать, куда завезли какие продукты, постоять в очереди, и не в одной, приготовить обед и ужин. И постирать надо, и прокипятить с синькой постельное бельё, и развесить его, и перегладить всё, а в воскресенье напечь пирогов. Для них два часа, потраченные на дорогу и ожидание ребёнка с занятий в кружке, кажутся потерянными впустую, даже если взять с собой вязание или книжку.

– Да-да, сама! – заторопилась Липа. – Я не работаю...

Педагог приподняла бровь – с лёгким презрением, или показалось? Липа считала, что не работать стыдно, неправильно, и ей постоянно мерещилось, что окружающие дают ей понять...

– Временно, конечно: муж военный, мы постоянно переезжали, – оправдывалась она. Скорее перед самой собой, чем перед этой чужой, едва знакомой ей женщиной. Которой, тем не менее, ей хотелось понравиться: сейчас от неё зависит судьба её сына, и она похвалила её мальчика, и значит, это прекрасная женщина, и пусть она полюбит и меня, Липу. – И пока я работаю мамой, это мой младший... вообще-то я Герценовский закончила.

«И очень хочу работать! – хотелось сказать ей. – Но муж хочет, чтобы я была просто женой и мамой, хранительницей очага... классика. Но когда-нибудь я...»

– Занятия пропускать нельзя, за пропуски я отчисляю. Тем более вы пришли среди учебного года, мальчику нужно будет догнать всех, – кажется, педагог признала в ней равную, а не ничемную домохозяйку.

– Я буду водить Васю, непременно! – и тоже непременно, обязательно буду работать, хоть в сорок или пятьдесят лет, но буду! – Он мечтает танцевать, он догонит! А я очень люблю балет и понимаю, какой это труд... мы не будем пропускать!

В тот день (или был уже вечер? зимой в Ленинграде не поймёшь!) они с Мамой возвращались домой очень гордые своей победой: «Приняли!».

Какое радостное, какое замечательное слово: меня приняли, приняли!

«Вы всё равно меня примете! Я всё равно поступлю!» – отчаянно воскликнет он через несколько лет после первой (впервые в жизни неудачной!) попытки поступить в Вагановское, удивив педагогов недетским взглядом тёмных сердитых глаз.

В четыре года удача казалась естественной: он же молодец, он отлично танцует, он живой и эмоцио... трудное слово, но было понятно, что тётя его хвалила; его все хвалили и любили, и всё у него хорошо!

Идти было далеко – весной, без тяжёлой шубки, стало казаться, что совсем близко, и по пути в Дом культуры, перед кинотеатром «Великан», обнаружился чудесный большой фонтан с гранитным бортиком. И было очень весело залезать на этот бортик (как будто небольшая сцена!) и петь. Танцевать – это ещё не всё, на бортике хорошо не станцуешь, но он и поёт отлично, прямо как в кино! Кино его завораживало (через несколько десятилетий критики будут отмечать «кинематографичность» его балетов), части фильмов хотелось сейчас же перенести в жизнь, и он останавливал Маму, залезал на бортик и пел. С огромной афиши смотрели на него невозможно красивые Ихтиандр и Гуттиере, коварно прищурился злодей Козакова, а песенку оттуда он сразу запомнил наизусть:

Нам бы, нам бы, нам бы
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы
Пить вино!

Он точно улавливал ритм, не фальшивил, был серьёзен и увлечён.

Прохожие останавливались, улыбались, хлопали. Может быть, это были первые в его жизни аплодисменты? Не считая Маминых, получаемых с первых дней, оставшихся в памяти?

Смешной маленький мальчик, звонко поющий на бортике фонтана: это было очень в духе того жизнерадостного времени, и люди с удовольствием аплодировали, артист растёт, говорили они Маме.

Солист, мысленно поправляла их Липа, это не просто артист, ему мало быть, как все, он рвётся выше и дальше... вырывает ручку, влезает на бортик, делает, что хочет. Обожает быть в центре внимания, старается, любит успех.

Пусть, это правильно, отпусти его, говорил ей голос рассудка; будь всегда рядом, не отходи, не своди с него глаз, твердил старый, затаившийся материнский страх.

Не удержать – вон он, её Василёк, играет во дворе, собрал вокруг себя хоровод мальчишек и девчонок, и распоряжается ими, и хоровод превращается в ручеёк, распадается на казаков и разбойников, и он сердится, когда кто-то осмеливается... нет, все подчинялись, охотно включались в его игру, иногда просто кто-то мог не понять, как это: морская фигура – замри! Вот так, смотри, это же легко – это морской дьявол, а это моряк, повторяй за мной!

Всё-всё даётся нам с самого детства – главное не упустить, услышать, разглядеть. Слушать весь мир, но слушаться только самого себя... ну, иногда немножко Маму.

И учителей. Которые выбирают тебя – и которых ты выбираешь сам.

Потом была школа с французским уклоном, а из кружка в Доме культуры он перешёл в ансамбль танца Дворца пионеров имени Жданова.

Дворец пионеров показался ему настоящим сказочным дворцом со своей правящей бал Королевой.

Сказки тогда делились на девчочковые и мальчишковые.

Мальчиковых было меньше, девчочковые были волшебнее, и хотелось представлять себя не только принцем, но и Золушкой, и Феей, и даже сказочником – да-да, самое интересное быть сказочником! Не стойким оловянным солдатиком, не стройной балериной, а тем, кто сочинит для них встречу, любовь и непременно счастливый конец. Можно даже без слов, просто под музыку, словами же всего не скажешь, и оловянный солдатик без слов смотрел на молчаливую, недоступную и прекрасную танцовщицу... что-то такое было во всём этом, чего он пока не понимал.

Мечты тоже делились на те, что для девочек, и те, что для мальчиков.

Мальчикам полагалось хотеть стать космонавтом, геологом, лётчиком, строителем коммунизма – или врачом и военным, защитником Родины, как отец. Девочкам можно было потихоньку мечтать стать принцессой, красавицей или актрисой, но правильные девочки всё-таки хотели быть учительницами или лётчицами.

Все должны были вырасти в героев труда, ударников, победителей соцсоревнования; заниматься спортом, гордиться достижениями советской страны, с энтузиазмом петь весёлые песни... звонкие жизнерадостные шестидесятые диктовали свой бодрый стиль, послевоенные трудности позади, а впереди космос, комсомольские стройки и вечные «Мир! Труд! Май!» на красных флагах. Красный галстук наглажен Мамой, учиться надо на «хорошо» и «отлично», в школе даже математика на французском – вот какое аристократическое образование у советского пионера Васи, и как бы так совместить свои мечты о сказках со всеобщим заразительным строительством коммунизма?

Героем стать хотелось – главным героем какой-нибудь сказки.

Отголоски шестидесятых навсегда остались в памяти – обрывками случайно услышанных родительских разговоров.

– Липа, если ты сама мечтала о театре и сцене, это не значит, что сын должен осуществлять твою мечту! Что это за профессия для мужчины?!

– Ты думаешь, балет и театр только для женщин? Но это же смешно, с кем же им танцевать?! И, между прочим, на хореографии муштра, как в армии или спорте, ничуть не легче, а Вася всё мужественно переносит, ни разу не пожаловался! И ему нравится танцевать, у него получается, ты же сам видел на концерте...

– Видел. Но мало ли что у кого получается, это вовсе не значит, что этому стоит посвящать столько времени! В конце концов, танцевать умеют все, даже я умею... помнишь наш вальс, Липочка?... ну да... о чём я? Ты, например, прекрасно пела на самодеятельных концертах, а если бы ты была артисткой, как бы ты могла растить детей? Вечно на гастролях, до ночи в театре...

– Ты сам себе противоречишь: да, женщине трудно совместить семью и профессию, но мужчина-то может себе позволить выбирать! И может выбрать театр, и если у него талант...

– У всех какие-то таланты, но это, повторяю, не означает, что человек, особенно мужчина, может всю жизнь...

– Миша, речь пока не о всей жизни, ему всего восемь, и ему нравится танцевать, и пусть! Я сделаю всё, что могу, чтобы он смог делать то, что хочет. Все педагоги его хвалят, и завтра мы идём на просмотр во Дворец пионеров.

Через несколько лет она скажет то же самое, но уже о поступлении в хореографическое училище. Их диалоги и споры повторялись из года в год, и Мама всегда была на его стороне, называла имена знаменитых танцовщиков, приводила примеры: среди них были и Герои труда, и Народные артисты, и великий Мариус Петипа.

...Через много лет, в далёком 2017-м году, незадолго до двухсотлетия Петипа, Василий организует и возглавит Фонд наследия великого хореографа. «Разве правильно, что в нашем городе нет ни одного памятника, ни одной улицы, названной именем Петипа, как же так?» –

будет повторять он... может быть, всё это когда-нибудь и будет? Забвение великих мастеров – не самое лучшее, что может случиться с городами и странами...

– При чём тут Петипа?! Лучше бы ему больше времени уделять математике, а не танцам. Чтобы в серьёзный вуз поступить. Кстати, в том же Дворце есть и другие кружки: техника, моделирование...

– Но он же всё успевает, он и в школе хорошо учится!

Это было правдой: Вася специально старался, чтобы папа был доволен, а Мама рада, да и просто он всё делал хорошо и тщательно, характер такой.

– Тем более! Ладно бы был двоечником, тогда пусть бы плясал, если ни на что другое ума не хватает! Нет, я с ним поговорю. В конце концов, я отец!

– Ты хочешь, чтобы он послушался тебя и бросил балет? Или проявил характер и сделал по-своему? Как настоящий мужчина?

В училище его тогда не приняли – показалось или нет, что отец был рад?

...Как же интересно, как загадочно проявляются в нашей жизни эти неразрывные связи – отцы и дети! Не повторяя путь отца, не желая идти по его стопам, с самого детства зная, чего он хочет, выросший мальчик всё-таки в чём-то повторил его: та же вечная бездомность, скитание по всему миру, работа в тех же странах, где приходилось служить отцу. Там, куда забрасывал отца долг службы – в Австрии, в Чехословакии, в Венгрии, – где Мама пела на импровизированных подмостках, выступала перед солдатами, там же, на профессиональных сценах этих стран он танцевал и ставил свои балеты... всё повторяется, всё наследуется, хотя и не так просто и прямолинейно, как хотелось бы молодым родителям упрямых и талантливых детей.

Желающих попасть в сказку.

В каждой сказке должен быть дворец.

Сегодня Дворец (настоящий, Аничков, ещё царский, хотя и со словом «пионеров») ждал его, восьмилетнего принца: Мама записала его на просмотр в Ансамбль. Поступить туда советовали в Доме культуры: Ансамбль танца был мечтой многих школьников Ленинграда, там вели занятия педагоги высочайшего класса, бывшие звёзды Кировского театра, оттуда была прямая дорога в Хореографическое училище имени Вагановой. Все посвящённые прекрасно знали обо всех ступеньках этой карьерной лестницы: так всё было устроено во времена императорских театров, традиции соблюдались строго и не слишком подчинялись веяниям времени. К счастью, Советская власть любила балет так же, как любая королевская и прочая власть, и не мешала существованию этого параллельного мира со своими порядками, ритуалами и иерархией.

Дворец был большим, конкурс в хореографический коллектив огромным, отбор жёстким и жестоким: никакого «блата», только растяжка, выворотность, слух, пластика, внешние данные. Хореографическим коллективом руководили – Мама выговаривала их имена с почтительным придыханием, чтобы сын понимал всю важность предстоящего шага! – «сам» Геннадий Корневский¹ и «сама» Нонна Ястребова².

Живая легенда, заслуженная артистка РСФСР, лицо которой после главной роли в кино знала вся страна, бывшая звезда Мариинки... нет-нет, бывших балерин не бывает, они вечны, как звёзды! Если ты была настоящей принцессой, ты можешь стать королевой, а потом составить и передать трон другим и при этом сохранить всё своё королевское достоинство.

Так было и с прекрасной Нонной.

Строгая, всегда элегантно и безупречно одетая, окутанная облаком дорогих, явно заграничных духов, наводящая страх на учеников и учениц, требовательная, но справедливая – она царила и на этой сцене, и в этой, преподавательской роли. Разрешала все спорные ситуации и конфликты, вникала в мелочи, старалась помочь... она сидела за столом в приёмной комиссии, смотрела сурово, набивала ватой (почему?) странную папиросу.

Кто бы мог подумать, что она, казавшаяся восьмилетнему Васе почти богиней и очень старой и важной, будет дружить с ним много лет, до самой своей кончины? Войдёт в его жизнь не только как педагог, но и как старший друг?

– Нонна Борисовна, здравствуйте, это...

– Вася, дорогой, рада тебя слышать! Ты в Петербурге? – абсолютный слух, потрясающая память: узнавала голос по телефону сразу, хотя учеников у неё было немало – или остальные не так часто звонили?

Нонна Ястребова, Кировский (Мариинский) театр (фото из архива Василия Медведева)

Они годами созванивались и обсуждали его новые балеты, она непременно смотрела их на видео, давала советы, хвалила, делала замечания... не бывает бывших балерин, балет – это навсегда!

...потом, уже в двадцать первом веке, Василий навещал её, всё ещё красивую старую королеву, в её большой квартире на Невском проспекте.

Она по-прежнему курила, всегда была «в форме»: никогда не показывалась, если болела или считала, что плохо выглядит; тщательно и продуманно одевалась, пахла дорогими духами. Королева вовсе не была белоручкой: каждый раз старалась сначала повкуснее накормить его (обязательно, не спорь, иди за стол! не забыть ленинградцам блокаду, никогда не забыть!), а потом внимательно и долго слушала рассказы о замыслах и постановках.

Так у них повелось: она приходила на его выступления, на выпускной в Вагановское, приезжала в Эстонию, где он танцевал; искренне радовалась и гордилась, когда он поставил спектакль в Большом театре. Он пригласил её на международный фестиваль DANCE OPEN: нет ничего важнее преемственности, молодёжь должна видеть и успеть услышать легендарных мастеров. И Ястребова давала мастер-классы, рассказывала о своей работе в Кировском, была в жюри балетного конкурса. Наверное, она тоже была благодарна ему, своему вечному (не бывшему!) ученику: забвение, увы, не редкий удел состарившихся балерин и актрис.

Во Дворце учили не просто танцу, тамошние педагоги были не только профессионалами и мастерами своего дела, они были носителями истинной культуры, интеллигентами в полном смысле этого слова, образцами для подражания и воспитателями – ума и чувств.

Именно она, Нонна Ястребова, посоветовала ему поступить в ЛАХУ – Ленинградское Академическое Хореографическое училище имени Вагановой, святое место для любого, кто хоть что-то смыслит в балете.

Ему шёл уже одиннадцатый год – и позади было столько всего!

Первая поездка на гастроли по Волге (Мама провожала его, тревожилась и безумно гордилась!), потом по другим городам, даже в Москву; сольные номера, репетиции, новогодние ёлки, выступления в лучшем зале города – Большом Концертном зале «Октябрьский»... к одиннадцати годам те, кто занимается профессиональным спортом, музыкой или балетом, проживают уже целую жизнь.

Какие детство и отрочество? У нас их нет – у нас сразу, без предисловий, «В людях» и «Мои университеты», никаких игр и детских забав, нам не до этого! Далеко позади дошкольные хороводы, которыми он руководил во дворе своего ленинградского дома недалеко от Таврического сада: товарищи тех игр продолжали гулять и играть, а он лишь весело кивал им, пробегая мимо. Ведь нужно было успевать и в школе! И читать, и смотреть кино! Ходить в театры на все новые спектакли. Придумывать (самому для себя) интересные вариации, пробовать их... потом они переехали на новую, большую квартиру на улицу Восстания, и в этом дворе он уже никогда не играл.

В тот раз они снова выступали в «Октябрьском».

Четырёхтысячный зал всегда был полон, аншлаг Ансамблю песни и танца Дворца пионеров имени Жданова был обеспечен, причём не за счёт восхищённых родителей и родственников – нет, тем редко удавалось раздобыть билет или контрамарку, смотрели выступление из-за кулис или стоя в темноте коридора, вместе с билетёршами... Мама обязательно там стояла, каждый раз подмечала все нюансы, чувствовала, когда он в хорошей форме, а когда слишком устал, радовалась очередному успеху и каждому его личному «Я сумел» и «У меня получилось!».

В Доме культуры

Нонна Борисовна тоже всегда была с ними, придирчиво и неотрывно смотрела каждое выступление – на том концерте он танцевал новый, специально для него поставленный номер под названием «Игрушки».

Специально для него! Это звучало так... надо прожить всю жизнь в балете, чтобы понять весь смысл, всю важность этих слов: «номер, поставленный специально для...». Ах, сколько он их потом поставит – к радости замеченных им молодых дарований и тех, кого могли годами обходить своим вниманием другие хореографы. Он пристально вглядывался во все труппы мира, ставил танцы, исходя из данных каждого танцора, помогал раскрыть его личные воз-

можности, выгодно оттенить его талант. Он же прошёл прекрасную школу – Школу с большой буквы, в том числе и школу Дворца.

Он делал успехи, его всегда ставили в первый ряд, выделяли, давали танцевать всё, что он хотел, в том числе и солировать, но танец, поставленный специально для десятилетнего ученика, это нечто особенное. Номер придумала и поставила его педагог Нина Николаевна Базыкина, и сегодня ему предстояло его исполнить... между прочим, он никогда не думал: наверное, другие ученики ему немножко завидовали? В «Игрушках», кроме него, были заняты ещё двое, девочка и мальчик, но их могли и заменить, и все понимали, что это «его» танец, и его роль не исполнить никому.

Он знал, что станцевал хорошо. Так, как хотел: столько раз репетировал, оттачивал каждое движение, да и настроение было отличным, как будто какой-то подъём – мой собственный, особенный номер... поклон, аплодисменты, всё заслуженно.

– Молодец! – Нонна Борисовна была за кулисами, её похвала стоила дороже аплодисментов зала. – Зайди завтра ко мне... и вы тоже, – кивнула она подошедшей откуда-то Маме.

И уже опять смотрела на сцену, как будто забыв и о нём, и о своих словах.

Но она о них помнила.

– У мальчика большие способности и перспективы и, может быть, большое будущее, – начала она, глядя на Маму и обращаясь к ней, а не к нему. – Вы не думали о поступлении в Вагановское?

Конечно, его-то не надо уговаривать, а вот родители... не все родители хотят, чтобы их сыновья (особенно сыновья!), даже хорошо, отлично танцующие, навсегда связывали свою судьбу с балетом. Танцы – это чудесно, мило, задорно, но это годится для детей и подростков: чтобы были при деле, чтобы не затянула «улица», а потом надо взрослеть, выбирать серьёзную, настоящую профессию, заниматься математикой и физикой, поступать в университет или институт... иногда можно и потанцевать, везде же есть художественная самодеятельность.

Танец. Дом культуры «Красный октябрь»

Дворец пионеров, танец «Игрушки», 1967 г.

– Вагановское? – радостно ахнув, подхватила Мама. – Вы думаете, это возможно?..

– Всё будет зависеть от Васи, но я советовала бы ему попробовать. Скоро набор на следующий учебный год, а он как раз заканчивает четвёртый класс. Но вы понимаете, что тогда ему надо будет оставить обычную школу?

– Да... я понимаю, – Липа понимала совсем другое: ей предстоит выдержать очередную домашнюю битву, и, может быть, не одну. Выпрямить спину, ощутить себя не милой любимой «Липочкой», а гордой «Олимпиадой» и настоять на своём.

Потом они ехали домой и говорили, говорили: это снова было их маленькой (нет, настоящей, большой!) победой, сама Ястребова советует... Вагановское – это же мечта! А что скажет папа? Они оба знали, что он скажет, и были готовы к спорам и ссорам. Впереди был пятый класс французской школы, важный учебный год, когда прибавится много новых предметов, и папа, разумеется, не одобрит перехода в училище... в Вагановское – так приятно было снова и снова повторять это манящее название.

Липа в который раз вспоминала «Историю одной девочки»: толстая жёлтая книжка, изданная «Детгизом», о детстве Галины Улановой, ею тогда зачитывались все девочки, Липа брала её в библиотеке (купить было невозможно, тираж 59-го года разошёлся весь, когда она ещё не вернулась в Ленинград), пересказывала маленькому Васе... то самое легендарное Вагановское! Для папы, увы, Галина Уланова не аргумент и не героиня – так, нечто красивое и особенное, но это всё далёкая, театральная, не наша жизнь! Конечно, далёкая – это же сказка, но в неё можно попасть, и я попаду, мам! Даже в песне поют, что можно сказку сделать былью, правильно?

Его не приняли.

Неудача, провал, удар, которого он никак не ожидал.

Училище находилось на одной из самых красивых улиц Ленинграда – улице Зодчего Росси. Это тоже был Дворец – больше и значительней Аничкова; колонны, коридоры, фойе – всё здесь было огромным, старинным, классическим, это был Храм... да, советский пионер, никогда не задумывавшийся ни о каком Боге (только мифы Древней Греции да неясные рассказы Бабушки!), не привычный к посещению церкви, испытывал перед этим зданием те же чувства, что верующий около настоящего Храма.

Приёмные экзамены в училище проходили в несколько туров: проверяли музыкальность, чувство ритма, растяжку, прыгучесть, выворотность – всё это казалось уже знакомым и не

пугало. Перед этим нужно было пройти комиссию, на которой придирчиво оценивались физические данные будущих балерин и танцовщиков.

Вася вместе с несколькими незнакомыми мальчиками привычно разделся до трусиков, выпрямил и без того прямую спину, встал как можно ровнее. Явно лучше других, вошедших с ним мальчишек: они не знали правил балетного мира, смущались, раздевались медленно и неловко. За столом в приёмной комиссии сидели три или четыре человека – не запомнилось, мужчины или женщины, и вызывали по фамилии, по одному.

Надо было выйти из ряда и встать перед ними.

Осмотр длился меньше минуты. Его не просили ни подпрыгнуть, ни станцевать, даже на его растяжку никто, казалось, не обратил внимания. Две недовольные тётеньки быстро ощупали его руки и ноги, переглянулись и слегка презрительно поджали губы: «Пухленький... щёчки какие! не годится... можешь идти, мальчик!».

Как же так?! Ведь я так хорошо танцую! Меня похвалила сама Нонна Ястребова, для меня поставили специальный танец... как же музыкальность, танцевальность, выразительность?! Неужели это всё неважно, и при чём здесь какие-то щёки?!

Неужели он толще этих неуклюжих мальчишек, которые прошли во второй тур?! Не может быть, он же стройный, никто и никогда не говорил ему, что... Бабушка с любовью трепала по щеке... как же он сейчас ненавидел эти щёки, эти толстые («пухленькие?») руки, всё своё неправильное, не подходящее для балета тело! Нет, этого не может быть, я-то знаю, что моё тело может танцевать, что оно гибкое и стройное, что оно уже многое умеет...

– Я всё равно поступлю! – закричал он. – Вы всё равно меня примете!

Мама рассказывала (сам он плохо помнил дальнейшее), что он бился в истерике, плакал, она прижимала его к груди, как маленького, как давно уже не... и пыталась успокоить, уговорить. Да-да, в следующем году обязательно!

Она сама чуть не плакала, но была взрослой и понимала, что это не конец света. Ты поступишь, говорила она, не всё получается с первого раза, Васенька, это просто недоразумение, временная неудача, они не разглядели тебя, они ошиблись, а ты у меня молодец... ну не плачь, мой хороший! Вспомни Галину Уланову, сколько трудностей она пережила... но она почти жила здесь, в Вагановском, мама, а меня не приняли! Как ты можешь сравнивать?!

Его горе было глубоким и острым – а рядом с ними так же горько рыдал другой мальчишка: его приняли, а он так не хотел сюда идти! Его насильно привела мама, хотевшая сделать из сына звезду... интересно, что с ним потом стало? Остался ли он в училище, бросил ли его через год, пополнил ли ряды какого-нибудь провинциального кордебалета? Или смог полюбить балет – и благодарен властной маме и случайному везению? Тогда, конечно, Васе было не до этих размышлений, острая зависть к принятому мальчишке забылась не сразу, он долго не мог опомниться и прийти в себя.

– Может, оно и к лучшему, – коротко сказал папа.

«Я всё равно поступлю!» – упрямо и мрачно думал он.

Во Дворце пионеров его встретили обычные шуточки Корневского: он был известным весельчаком, шутником и насмешником, «душой коллектива», все обожали его подчас грубоватые шутки и «подколки»... кроме, конечно, тех, над кем он подшучивал.

Ястребова утешала его, как могла.

Надо уметь проигрывать, это не конец света, надо пытаться снова и снова, ты способный, ты сильный, ты непременно поступишь на следующий год – всем известные правильные слова, прописные истины, в которые так сложно поверить в момент неудач.

Когда кажется, что рушится весь твой мир, а до следующего года – как до Луны!

Но следующий год (как и все остальные года) наступил ровно по календарю; Вася, к ужасу переживших блокаду Бабушки и Мамы, похудел почти до прозрачности, закончил пятый класс французской школы – и на этот раз поступил легко и уверенно.

Как будто вошёл в родную, гостеприимно распахнутую перед ним дверь.

Вася

Мама и Вася – на гастроли!

А память сохранила не этот, успешно выдержанный экзамен, а то первое детское горе, ту казавшуюся роковой неудачную попытку, которая, к счастью, не смогла выбить его из колеи, а лишь закалила и без того упорный и сильный характер.

В балете, как и в жизни, успех – это лишь количество предпринятых попыток.

Можно и вообще никому не рассказывать о неудачных.

И никто бы никогда не узнал, что один из самых востребованных хореографов мира не сразу поступил в Вагановское училище, что он горько рыдал в фойе, проклиная свои якобы пухлые детские щёки.

Но это было – и пусть останется и на этих страницах.

...Через шесть лет, когда он блестяще станирует на выпускном чудесное па-де-де из старинного балета «Талисман», «тётя» из комиссии подойдёт к нему с поздравлениями и извинениями.

«Я была не права, – скажет она, – что не приняла тебя сразу. Но я тебя запомнила. Молодец, что пришёл второй раз!»

Но до этого ещё предстояло дожить.

Храни меня, мой талисман...

Танцует Василий Медведев. Выпускной вечер Вагановского училища, Кировский (Мариинский) театр, 1976

Действие первое. Экзерсис

Картина вторая. Святая святых

Ленинградское!
Академическое!
Хореографическое!
Училище (выдох, лёгкая пауза)...
Имени!
Агриппины!
Яковлевны!

Вагановой! – каждое слово из этого выученного наизусть названия хотелось произносить отдельно, чётко, с самой большой буквы, по слогам, важно и гордо, с восклицательными знаками.

Не каждому дано не только входить сюда, но даже выговаривать эти длинные, казавшиеся особенными слова. Теперь он имел на это полное право, он был не посторонним, это было его – его родное, его собственное! как дом, как семья! – самое лучшее в мире (это правда, а не детское выражение!) Училище.

Колыбель танца.

Святая святых балета.

– Здравствуйте, ребята! В эфире «Пионерская зорька»! – больше он никогда не слышал этих утренних позывных: ежедневная радиопередача начиналась без двадцати восемь, а он в это время уже садился в трамвай номер пять.

Занятия начинались в восемь тридцать, но ведь надо было доехать, успеть переодеться. Это навсегда осталось в памяти: ранним утром он спешит на трамвайную остановку – особенно помнятся тёмные ленинградские зимы, мороз подчас до двадцати градусов, но это не было причиной пропустить хотя бы один день занятий, не встать вовремя... норма для дисциплинированных детей спорта и балета.

Наверное, кто-то бы сказал, что это потерянное детство. Да, такие дети выросли рано, моментально становились самостоятельными, не интересовались ерундой вроде игрушек и детских шалостей – потом они ни о чём не жалели. То якобы потерянное детство равняется ещё одной, почти взрослой, очень интересной и насыщенной жизни.

Начиналось с муштры: ранним тёмным утром замёрзшие мальчики стоят у станка лицом к серой стенке, их заставляют снова и снова (по много-много раз, не сосчитать!) делать одни и те же движения... ему казалось, что он был к этому готов.

Оказалось, что Вагановское – вовсе не то же самое, что Дворец пионеров.

Это уже не самодеятельность, где всё-таки на первом месте были танцы, где их иногда хвалили не за результат, а за попытку его достичь, где требования к танцорам были на порядок ниже: это же просто дети, юные пионеры, сегодня они пляшут, а завтра сдают ГТО, поют, маршируют или играют в «Зарницу», мы просто растим всесторонне развитого строителя коммунизма, танцы – это для радости.

Да, там тоже были занятия у станка, была дисциплина, был профессиональный подход педагогов, но здесь... казалось, что всё началось с самого начала, причём на каком-то новом, более суровом витке.

Он думал, что умеет тянуть подъём. Что у него хорошее grandplié, что он тысячи раз делал батманы тандю... нет, всё не так, надо ещё лучше, ещё точнее.

Выше, шире, ниже! Чётче, круглее, жёстче!

Руки, плечо, колено! Препарасьон!

Команды следовали за командами, замечания сыпались, похвалы не дождёшься, и мальчики повторяли и повторяли эти, казавшиеся уже почти бессмысленными, отдельные, вырванные из живой плоти танца, мёртвые движения. Которые как будто превратились в самоцель... когда же мы будем танцевать, когда?! Скорее бы... но зимы в Ленинграде тёмные и длинные, до белых ночей далеко.

Он поступил в экспериментальный класс: обычно в Вагановском училились восемь лет, а им предстояло пройти ту же программу всего за шесть. Может быть, поэтому муштра, и так необходимая в балете, была в их случае ещё более жестокой? Пятилетка в три года – вся страна спешила жить и ставила рекорды, и в области балета тоже решили попробовать? Искусство балета не очень-то жалует эксперименты, в нём всегда больше архаистов, чем новаторов, все трепетно жаждут сохранить всё, как было раньше... тогда ещё, при великих; балет консервативно сопротивлялся идеологическим новшествам, принимая в угоду советской власти лишь их формальную сторону, но никакое искусство не выдержало бы без перемен. В конце концов, и великие были новаторами! Вспомните хотя бы Фокина... да и акселерация, изменение условий жизни – детям по силам освоить программу за шесть лет, просто надо больше работать.

Очень просто: «ещё» больше.

У них всё получилось: в последний год обучения их соединили с теми, кто поступил раньше и учился восемь лет, они сумели, превзошли самих себя, доказали, справились. Учились ударными темпами, повторяя и повторяя, занимаясь и занимаясь...

– Ты знаешь – скажет он через много лет, – вот ты просишь меня вспоминать поподробнее... описываешь всё так живо и похоже, и я погружаюсь в те времена и вспоминаю, например, длинные ногти: их одна дама-педагог вонзала в мышцы, если я плохо их напрягал. И я так боялся её ногтей и старался держать мышцы, как мог, изо всех сил! Не надо, наверное, об этом писать? А то получится ад какой-то, издевательство над детьми, сплошные страдания – а я ведь был абсолютно счастлив! Всё это своё так называемое «потерянное детство», все шесть лет в Вагановском, я был счастлив! Об этом и будем писать!

Да, они были счастливы – дети с театральной улицы.

Кинофильм с таким названием снимут об их Училище в семидесятые годы, но никто в СССР его, к сожалению, не увидит.

Счастьем было рано утром приходиться в Вагановское, входить в это здание... да-да, чуть дыша (хотя часто задыхаясь от бега), как в Храм!

Их так воспитывали, и это было правильно! Вокруг были настоящие и прошлые легенды, историей дышал каждый закуток школы... стоило только представить себе, что по этим коридорам и залам ходили великие Павлова, Нижинский, Кшесинская, Фокин и многие-многие другие! А сами педагоги школы, их появление в училище, это надо было видеть: они всегда входили, как на сцену, а удалялись под одним им слышимые аплодисменты... плеяда великих артистов. Страшно представить: танцевавших перед самым императором – живая история.

Дудинская³, Сергеев⁴, Зубковская⁵, Балабина⁶, Тюнтина⁷ – *делай, делай сноски, писатель, не рассчитывай на читателя, сегодня мало кому что-то говорят эти имена, узок круг... этих революционеров, привычно подхватываю я. Только «балетные» помнят, да и то...*

Имена, имена, имена – преподаватель истории балета, сама уже почти легенда, ходячая энциклопедия Мариэтта Харлампиевна Франгопуло⁸ читала лекции обо всём и обо всех.

Ученики заслушивались. Запоминали истории, имена и даты, что-то забывали или пошкольнически пропускали мимо ушей; Франгопуло повторяла и чередовала свои рассказы, казалась сказочницей или – нет! – сказительницей: откуда было в те времена узнать всё то, чему она была свидетелем?

Прошное замалчивалось, вокруг существовало только настоящее: алые знамёна на тускло-сером фоне, и невероятно прекрасное, сияющее (и верилось, что близкое) коммунистическое будущее.

В рассказах Франгопуло прошлое оживало: Императорский балет, хореографические опыты начинающего хореографа Георгия Баланчивадзе (слышали фамилию Баланчин⁹? запомните!), премьера танцсимфонии Фёдора Лопухова¹⁰ «Величие мироздания»... мы его танцевали в двадцать третьем году... ничего себе, моя Мама только родилась, а она уже танцевала! Франгопуло ушла со сцены за десять лет до его рождения – как давно, целая жизнь!

Двенадцатилетним было трудно представить, что эта старая, довольно грузная женщина была такой же лёгкой и тонкой, как девочки из их класса, такой же, как нынешние звёзды Кировского. Как совместить девушку с портрета, написанного самой («как это – кто?! известнейшая художница!») Зинаидой Серебряковой, с нынешней Франгопуло?

С пастельного портрета смотрела прекрасная нежная незнакомка в костюме для балета «Карнавал». На детей насмешливо смотрела немолодая, уверенная в себе дама в очках и вязаной кофте. Преображалась, начиная рассказывать, становилась обаятельной, неотразимой... *у Васи навсегда осталась эта способность искренне любоваться пожилыми людьми: красавицей казалась ему его давно не юная Мама, красавицами были и оставались все постаревшие балерины, все его педагоги, с которыми он потом долго поддерживал дружбу: не мог и не хотел разрывать эту пуповину, связывающую его с детством и годами ученичества. Счастливое свойство – восхищение старостью...*

Мариэтта Франгопуло не принимала невежества: как, вы не знаете, кто такой Дидло?! Которого упоминает Пушкин в первой главе «Евгения Онегина»?! Сыпались цитаты, даты, факты, а вот и прижизненный портрет Шарля Дидло, смотрите!

Она начала собирать всё, связанное с петербургским балетом, ещё в молодости. Весь никому не нужный хлам, сметённый и сброшенный революцией с корабля истории: пожелтевшие фотографии выпускников Императорского театрального училища, старые пуанты, детали костюмов, афиши, снова чьи-то дореволюционные фото – она хранила, наверняка пряча и немного опасаясь, всё это старьё, и эта коллекция стала основой задуманного ею Музея истории Вагановского училища.

Она просто подарила всё это Училищу – бесценные, а по зарубежным и современным меркам очень дорогие вещи, их бы на Сотбис; она была щедрой и бескорыстной, и прижизненный портрет Дидло и сегодня висит в Музее. Когда-то это была небольшая комната, потом Музей рос, обрстал экспонатами, и Франгопуло была его постоянной хранительницей и смотрительницей.

Мариэтта Харламповна Франгопуло, фото из архива Василия Медведева

Теперь она сама – часть истории, и в Музее рассказывают и о ней.

Тактично умалчивая о том, что из Училища и из музея, созданного ею, её уволили: в интернете можно прочитать, что она руководила музеем до самой своей смерти, но это не так.

Она, некогда не побоявшаяся сохранить дореволюционные фотографии, в шестидесятые-семидесятые годы не боялась поддерживать контакты с зарубежными, мало кому тогда доступными звёздами, говорила о них без трепета (перед властями!)... *позже, когда он уже был в предвыпускном классе, некоторые не без злорадства шептали: «Договорилась!».* Но таких было меньшинство – почти всем было больно и обидно, когда её, саму Франгопуло, специалиста высочайшего класса, живую часть Вагановского, «попросили» уйти. Было по-человечески жаль её: чем ей теперь жить, если она жила всем этим: училищем, балетом, учениками?! Но ещё жальче было оставшихся без неё учеников: потеря таких уроков невосполнима.

Наверное, как-то так и утрачивается связь времён, и беда приходит в датское королевство, и пропадают рукописи, и тонут атлантиды цивилизаций?

Вася дружил с ней: по-ученически, восхищаясь, а ей импонировал интерес этого мальчика к истории, не всем же интересно что-то переписывать в архиве, восстанавливать старинные балеты, а он... маленькая и тоненькая, такая хрупкая, но не распадающаяся цепочка времени. Он навещал её и тогда, когда она попала в опалу и одиноко старела в маленькой однокомнатной квартирке на окраине города, и Франгопуло любила и ценила его визиты. *Не дожидаясь до его поздних, уже зрелых постановок: его собственного «Онегина», его реконструированной «Эсмеральды», его классически безупречного «Корсара». Но он знал: ей бы понравилось.*

В репетиционном зале

...А какой красавицей была Лидия Михайловна Тюнтина!

Сохранился портрет: она в белоснежной блузке, с камеей, в чёрном пиджаке – прямая, строгая, чем-то похожая на Ермолову со знаменитой картины.

Дети её обожали: педагог от Бога! С младших классов она занималась с ними так называемой (о этот вездесущий советский новояз!) «производственной практикой», то есть репетировала и готовила детей для спектаклей Кировского театра. Да-да, они наконец-то танцевали – на настоящей, прославленной сцене!

Вася запомнил свой первый выход на сцену Мариинки – тогда, конечно, Кировского.

Кажется, именно Лидия Михайловна сделала тот вечер незабываемым? Твердила своим маленьким воспитанникам: «Этот Театр... его дух, история, кулисы!», и заставляла их повторять и повторять уже, казалось, отрепетированные движения, и доводила до слёз... что это было – детские номера из «Тропою грома», «Золушки», «Спящей»? Всё это навсегда с ним: наизусть, в памяти, в снах.

Как он волновался, господи!

Пришла Мама, пришла приглашённая Мамой Нонна Борисовна, и эта атмосфера, и полный зал публики... Мариинский театр – и я... Он помнил свой неудачный выход на школьную сцену – уже здесь, в училище. Его вдруг охватило страшное волнение при исполнении знакомой, хотя и непростой классической вариации, он (стыдно вспомнить!) три раза упал. Казалось, жизнь кончена. Но сам Сергеев остановил показ и спокойно предложил Васе начать всё с начала. В его тоне была поддержка и понимание: с каждым такое было, посмотрим, сумеешь ли перешагнуть через это.

Волнение немного улеглось, он собрался, и вторая попытка оказалась удачной.

И дебют в Мариинке прошёл хорошо, почти незаметно.

Осталась только эта точка, веха, отмеченная Лидией Михайловной (и Мамой!): ты вышел на сцену Мариинского театра!

Детские выступления в настоящих спектаклях постепенно готовили их к будущим сольным партиям, к профессиональному умению владеть собой, не поддаваться этому неизбежному волнению, но пользоваться им: равнодушие в их деле ещё опаснее, вы артисты, а не машины! Вы должны войти в роль... их учили и актёрскому мастерству: балет же не спорт, это искусство – и не только танца, но и перевоплощения. Одной техники мало, это только основа, а главное в балете – это душа. «Душой исполненный полёт»... вы должны жить ролью, жить!

Великолепный педагог по актёрскому мастерству Татьяна Ивановна Шмырова¹¹, бывшая балерина Кировского, ученица самой Вагановой; она получила блестящее образование: театроведение, аспирантура ГИТИСа, обладала талантом драматической актрисы, потрясающей мимикой, могла рассмешить и заставить плакать... при этом была добра, смотрела внимательно, умела тактично похвалить любого. После резких окриков в репетиционных залах, суровых замечаний и острых ногтей она казалась детям доброй феей, и с ней они не комплексовали, раскрывались, были свободны и раскованны, хотя учились-то – лицедейству.

Несколько вечеров в неделю Вася был занят – «занят» в театральном смысле этого слова: танцевал в спектаклях Кировского и Малого театров оперы и балета. А ведь были ещё и школьные спектакли, и ёлки, и выступления в Москве... вот какое детство – вовсе не потерянное! С утра, с ранней пробежки до трамвая номер пять, и до позднего вечера была насыщенная событиями жизнь.

Уроки начинались в восемь тридцать: первыми шли занятия по классическому танцу.

Педагог старших классов Геннадий Селюцкий¹² был молод, ещё танцевал, бежал-торопился после уроков в Кировский театр: самому надо было репетировать.

...Всё повторяется: сейчас он, Василий, ставит «Эсмеральду» в Братиславе – и молодой, ещё танцующий, педагог из балетной консерватории помогает на сцене своим совсем юным ученикам, а потом с волнением следит за ними из-за кулис. И сразу вспоминаются собственные ученические выступления в Кировском: тогда за кулисами всегда стоял Селюцкий и переживал за них, своих мальчиков. И поддерживал, защищал... иногда было от кого! Не забыть ту Народную артистку, которая, к ужасу Васи, обругала их такими грубыми, грязными (как шпана во дворе!) словами – за то, что они как-то не так несли её в роли нежной спящей Авроры... что тебе снится, крейсер «Аврора» – для балетных детей эта песня всегда звучала немножко странно...

От Селюцкого им часто доставалось: он ругался, кричал, в сердцах снимал с ноги и швырял туфли... мог и стулом кинуть! Классика, гоголевская комедия: такие страсти, что увлечённый учитель готов и стулья ломать!

– Экспериментальный класс! – возмущался он. – Недоучки! Пятилетку в три года! Если хотите быстрее пройти материал, значит, работайте больше других!

2012 год, из Сараево в Петербург:

«Дорогой Геннадий Наумович!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем. Не будет преувеличением сказать, что Ваш юбилей – это праздник для всех нас, Ваших учеников, которые сегодня, конечно же, вспоминают Вас с благодарностью за полученные уроки. Ваш пример служения искусству балета всегда перед нами, он дает нам силы, вдохновляет на творчество, помогает достичь успеха.

Спасибо Вам – за все пятьдесят пять лет, отданных Мариинскому театру, за то, что растут новые поколения Ваших воспитанников, танцующих на лучших сценах мира, за то, что вы, как истинный Мастер старой школы, остаетесь неизменным и недостижимым образцом для всех нас.

Желаю Вам еще много лет радовать Академию русского балета своими выпускниками, оставаться хранителем традиций нашей классики и тем Учителем с большой буквы, о котором всегда помнят его ученики.

К сожалению, я не могу лично присутствовать на Вашем юбилее – разрешите мне вместо этого преподнести Вам не совсем обычный подарок. Именно в этот день – 29 марта – на сцене Национального театра Сараево состоится премьера моего балета «Дама с камелиями», и этот спектакль я с искренней признательностью посвящаю Вам.

Здоровья Вам, успехов в Вашем нелегком труде, счастья и вдохновения!

С уважением, хореограф Василий Медведев»

Вы пишете кому-нибудь такие письма? Пишут ли их вам?

Есть о чём задуматься...

Весь день в Вагановском шли вперемешку общеобразовательные уроки и занятия по их будущей профессии: музыка, французский, история балета – и при этом русский язык и литература, история СССР, математика и география, химия и физика, всё то, что положено всем детям советской страны. Они были как все – но немножко иные.

Девочки, стайками бегущие по школьному коридору, совсем как обычные советские школьницы, но нет: волосы у всех одинаково забраны наверх, заколоты в тугие высокие пучки, спины идеально прямые, а при встрече с проходящей учительницей – быстрый изящный, какой-то нездешний, дореволюционный реверанс. Традиции. Без них нет балета.

Обычные школьники, выросшие сейчас в пятидесяти-шестидесятилетних взрослых, любят вспоминать, как их много учили и мучили разными предметами, как много они зубрили наизусть, и тут же, не замечая противоречия, могут развспоминаться о походах, гуляньях, романах, ленивых каникулах, побегах в кино с уроков, долгих посиделках на чьих-то кухнях... ах, сколько всего тогда было! А добавьте ко всему этому: к обязательным советским линейкам, собраниям и песням, к юношеской любви и прогулкам по белым ночам, к книгам и фильмам – ещё несколько обязательных наук, ежедневные классы, строжайшую дисциплину, вечернюю работу в театре. И вы поймёте, что отнюдь не балетные дети были героями «Сказки о потерянном времени», они слишком ценили каждую секунду.

Новый телефильм «Семнадцать мгновений весны» казался мучительно затянутым: сколько движений и смыслов можно было бы вместить в эту музыку и это экранное время через балет! Целиком его так и не удалось посмотреть: вечера у телевизора – непозволительная, да и бессмысленная роскошь, даже Мама и та вечно занята и смотрит урывками.

Иногда выпадали свободные часы, иногда им позволяли «прогулять» часть какого-нибудь школьного урока: обычные, не балетные учителя смотрели на это сквозь пальцы. Они всё понимали: если здесь, в стенах Училища, сейчас репетирует звезда, то разве дети усидят на математике? Несколько лет в Кировском театре шёл какой-то затянувшийся ремонт, и многие репетиции проходили в залах Вагановского. Вася с друзьями (у него и здесь уже была группа поддержки!) отпрашивались или не уходили домой, оставляли несделанными домашние задания, бежали в зал – и смотрели, смотрели, смотрели. Барышников¹³, Колпакова¹⁴, Соловьёв¹⁵

– они взлетали, а у юных танцовщиков перехватывало дыхание. Вот бы и мне... хотя бы приблизиться к этой высоте... я смогу, я буду работать.

Темнело рано, в половине шестого начинались репетиции, которые могли заканчиваться и в восемь, и в девять: этого времени тут никто не считал.

Ради секунды на сцене – часы (и годы!) в репетиционном зале.

– Мам, представляешь, Селюцкий попросил меня его заменить! Ему надо было на репетицию, и я давал урок вместо него! – он всегда делился очередной радостью: Мама поймёт, как это важно.

– Вася, ты сегодня хоть что-нибудь ел? – страдальчески и уже привычно спрашивала она.

– Конечно, мам! Ел!

– Что?! Опять ватрушку в буфете и всё?!

Ватрушки в Вагановском были вкусными, горячими – сейчас кажется странным, что балетных детей кормили выпечкой, им же постоянно твердили о контроле за весом, взвешивали после каждых недолгих каникул.

А ещё был артистический буфет Кировского и самый любимый – Малого театра: там воспитанники школы, занятые в спектаклях, могли очень дешёво, за двадцать копеек, взять пирожное и лимонад... так и питались – «кусочничали», «всё всухомятку», ворчала Бабушка. Не самое лучшее питание для растущих подростковых организмов, но чем, в сущности, можно было заменить эти ватрушки, пирожки и пирожные в северном советском городе семидесятых годов прошлого века? Готовили в училище и обычные школьные обеды, ими питались, в основном, те, кто приехал из других городов и жил здесь же, в общежитии Вагановского.

В Васином выпуске было много иностранцев: Чехословакия, Венгрия, Мексика, Финляндия... можно было изучать географию по друзьям. Кармен... волшебное, балетное имя, первая любовь... нет, это не важно, это всё было, но первой и главной его любовью был всё-таки балет.

Кому, например, интересна старинная хореография? Правильно: Мариэтте Франгопуло и таким древним, как она, а двенадцати-тринадцатилетним мальчишкам? Вася расспрашивал педагогов, и они с радостью, что могут повспоминать и поговорить об этом, делились с ним... ах, надо было всё-всё записывать, всё-всё запомнить, но тогда казалось, что они все вечны, что ещё успеется.

Лидия Михайловна Тюньтина обладала феноменальной памятью и наизусть помнила многие старинные балеты, охотно рассказывала и показывала, мечтала когда-нибудь восстановить и показать эти шедевры. Но её, как и многих других, не стало, и те балеты ушли вместе с ними.

Выпускной – Вася, Женя Калинов, Геннадий Селюцкий.

Канули в Лету – в холодную серую реку забвения.

– А давайте поставим, Лидия Михайловна! Пожалуйста! – уговаривал он. – Вы же помните «Талисман», а больше никто не...

– Станцуешь с Танечкой? Давай попробуем.

И она поставила (возобновила-восстановила, спасла-выловила из страшной реки) старинное па-де-де из балета «Талисман».

Специально для него и своей ученицы Татьяны Подкопаевой – они танцевали его на выпускном, и фрагмент этого старинного (теперь уже во всех смыслах слова!) балета попал в фильм «Дети с театральной улицы».

Сейчас, поскольку советские запреты уже не действуют, можно посмотреть на них: юный Василий (с модной, длинной, как у «Биттлз» и прочих общепризнанных красавцев вроде волоцкого Абдулова, стрижкой) и Таня, о которой закадровый голос (Грейс Келли!) говорит по-английски, что она будущая звезда, которой прочат блестящую карьеру. Кадры с выступления сменяются кадрами с генеральной: они оба в чёрных трико, движения отточены, глаза горят... нет, между ними не было любви, что вы, только танец, только балет, мы же пишем о балете!

А сколько всякой удивительной, ценной, будоражащей воображение старины было в ЛАХУ! В классах стояли старинные вещи, в шкафах – на виду у всех и всем доступные – хранились старинные книги, и можно было полистать полное собрание Ежегодников Императорских театров; в нотной библиотеке были старые клавиры, и по ним играли концертмейстеры на уроках классического танца, характерного танца, актёрского мастерства. Ученики видели, что это издания девятнадцатого века, и было так приятно и заманчиво думать, что ими же пользовались тогда, когда здесь учились Анна Павлова, Кшесинская, Фокин... не школа, а музей!

О Васином интересе к старине знали не только его педагоги, но и библиотекари: он увлечённо переписывал в школьной библиотеке старинные клавиры, он успевал бегать и в нот-

ную библиотеку Кировского театра, и в Театральную библиотеку, которая находилась во дворе школы. Охота пуще неволи, и Вася был невольником своей странной любви.

На его счастье, в начале семидесятых всё это хранилось в открытом доступе, а хранители библиотек, люди старой закалки, безоговорочно доверяли мальчишке-подростку архивные рукописи. И не стоит винить их в небрежении своими обязанностями: они знали, что делают, видели этих отроков насквозь, понимали, как никто, дрожь их пальцев, бережно прикасавшихся к старинным страницам, могли оценить огонь их глаз и жаркое «Пожалуйста!». Кому же и доверять это наследие, как не этим юношам бледным со взором горящим? Их же всё меньше, а мы стареем и уходим, да и рукописи... которые, как принято считать, не горят, увы, не вечны.

...Потом, уже в двадцать первом веке, известный и заслуженный хореограф Василий Медведев вместе с не менее известным и именитым коллегой Юрием Бурлака работали над постановкой «Эсмеральды» в Большом театре. Юрий Бурлака был тогда его художественным руководителем и пригласил Васю: им хотелось восстановить оригинальную хореографию Мариуса Петипа, они увлечённо и вдохновенно изучали все первоисточники, какие только могли найти. Вася обратился и в свою альма-матер и дальше – по инстанциям: нет, теперь всё это не у нас, нет, мы не можем выдать вам эту партитуру, нет-нет, мы не выдаём такие документы из архива. Они (вновь юноши бледные со взорами горящими!) написали официальное заявление-просьбу – и получили вежливый официальный отказ. Секреты балета, прежде передававшиеся из поколения в поколение, теперь оказались для них недоступными... как жаль!

Они всё равно поставили свою «Эсмеральду», и был успех; они реконструировали старинную хореографию, восстанавливая её по крупицам... хорошо, что сейчас всё записывается, всё сохраняется в интернете, ничто не пропадает бесследно или в недрах недоступных архивов. И постановки нашего времени будут всегда открыты для всех – было бы желание открывать.

Может быть, эти официальные отказы объяснялись банально и просто?

Как ни неприятно об этом думать, но факты есть факты: в антикварных и букинистических магазинчиках за границей Василию попадались старинные клавиры – в том числе и со штампом его родного Императорского училища. Обвинить в краже некого – разве что так называемые «лихие» девяностые? Можно лишь надеяться, что проданные ценности спасли кого-то от голода и нищеты... впрочем, их смогли сохранить в блокаду.

Тогда-то, в библиотеках его отрочества, в классах Вагановского, в разговорах с Франгопуло и Тюнтиной, началась его новая, настоящая и главная, но пока немного непонятная и тайная жизнь.

Вдруг захотелось не только танцевать и взлетать, как Барышников, но и самому распоряжаться всем этим – поставить свой собственный балет! Это было увлечение – влечение, и оно влекло и влекло его... куда?..

"Жизель". Василий в роли Альберта

С Татьяной Подкопаевой. Выпускной вечер Вагановского училища, Кировский (Мариинский) театр, Ленинград, 1976

Картина третья. Два занавеса

Первым его настоящим занавесом стала обычная занавеска.

Она отделяла большую комнату («гостиную», говорила Мама) от спальни родителей и быстро превратилась в Васину помощницу и сообщницу, стала неотъемлемой частью его театральных затей. Не раз ей приходилось страдать: от слишком резких рывков у неё отрывалось колечко с краю – искусство требовало жертв, и Мама безропотно пришивала колечко на место.

После их крошечной квартирки у Таврического эта, на улице Восстания, казалась огромной. Да и действительно была не маленькой: просторной и не по-советски шикарной. Целых четыре комнаты! Такие ещё долго, до самой кончины Советского Союза, да и после неё, оставались коммуналками, а им (папе, конечно, у него же такая важная работа!) выделили её всю целиком – счастье, казавшееся совершенно обычным и заслуженным. Вскоре появится и дача в престижном Рощино и станет смыслом жизни папы, и все они должны будут отбывать трудовую повинность на той даче... но квартира была прекрасна!

Широкий коридор («Да тут у вас танцевать можно!» – сказал грузчик, вносивший мебель), и высокие потолки, и тяжёлые двери, и большие окна, выходящие в тихий двор, – старый петербургский дом с тёмной таинственной лестницей, ведущей от парадного сначала к их квартире на высоком («цокольном», странное новое слово) этаже, а потом куда-то вверх... Вася был уже не маленьким и немножко обижался, когда Мама предупреждала его не ходить на чердак: что ему, спрашивается, делать на этом чердаке? Юра с друзьями тайно курили где-то там, повыше, и Вася никогда бы не выдал брата, на которого смотрел с детским обожанием, а у него самого было столько дел! Что ему на чердаке... в подвале (всё-таки интересно было иметь небольшие тайны!), например, всегда жили котята, их можно подкормить и погладить, а около двери на чердак окурки и бутылки, фу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.